

Анжела Конн

СЕМЬ-Я

Роман

Анжела Конн

Семь-Я. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584358

ISBN 9785448309021

Аннотация

Книга явно не о каторге, куда сослали молодую семью с двумя маленькими детьми... Она не совсем о советской стране, на историческом и общественном фоне которой разворачивается жизнь семьи... Она точно не о правителях, чьи фамилии мелькают на страницах книги... Роман обо всём этом вместе, чтобы представить переплетённую во времени и пространстве историю семьи, похожей на тысячи семей двадцатого столетия, которая, пройдя непростой путь длиною в век, осталась верна семейным ценностям.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Семь-Я

Роман

Анжела Конн

*«Государство – это большая семья, а семья это
маленькое государство, и держится оно на любви.»
Конфуций.*

© Анжела Конн, 2016

ISBN 978-5-4483-0902-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Родители

Дом наш стоял на пригорке, напоминающий вздыбленный петушинный гребень, зубчатыми склонами спускавшийся к железной дороге, по которой мчались в противоположных направлениях пассажирские и товарные составы, и которые от соприкосновения колёс с заезженными рельсами издавали стон от рессорно-пружинящего сцепления, доходивший до семейства, совершенно не обращавшего никакого внимания на лязг и перестук, если этого не требовало обстоятельство. «Обстоятельство» зависало в окнах поездов, следовавших из одной республики в другую, веселящимися лицами родственников родителей моих, выбывших из родных пенатов в молодом возрасте и поселившихся на новом месте. Переселение произошло не по их воле.

Намётанная из пятнадцати республик-лоскутов страна, наспех схваченная грубыми стежками разноязычия и отличающейся друг от друга историей и культурой в одно кумачовое одеяло, накрывшее самую большую территорию в мире с названием СССР, начала победное шествие по двадцатому столетию словами из гимна «Мы наш, мы новый мир построим...»

Шершавыми руками красноармейцев в суконных суровых шинелях и будёновках империя строила «новый мир», играя судьбами миллионов крестьян, в одночасье ставших врагами установленного порядка, грабя, раскулачивая и ссы-

лая по высокой воле в места отдалённые от родных краёв. По разным причинам. Ссылали по политическим мотивам, ссылали раскулаченных, обобранных до нитки зажиточных крестьян, ссылали одиноких и семейных, ссылали всех тех, кто новой властью считался неблагонадёжными. Тьма – тьмушая...

Дед мой помимо того, что имел маслобойню, мельницу и живность в необходимом для семьи количестве, был мировым судьёй сельского округа, выбранный жителями поселения и назначенный таковым благодаря неординарным человеческим и предпринимательским качествам.

Бесчеловечный отъём нажитого горбом и умом хозяйства, и моральный надлом, поразивший не только его – гордого, независимого в своих суждениях человека, но и всю округу, за которую он нёс ответственность – сделали своё чёрное дело: от сердечного приступа он скончался. У гордых – смертельно уязвимая душа...

После раскулачивания, в ссылку в Казахстан отправили его единственного сына с женой и двумя маленькими детьми. Грубая машина репрессий безразлично-изящным «переключением стрелок» с отца на сына, ещё не успевшую пожить молодую семью, назначила без вины виноватыми. Из Лениначана, на трёх «руси сел» (русских подводах), груженных личными вещами, необходимыми для проживания

ния в незнакомом месте, двинулись маленьким обозом под неусыпным оком конвоиров среди гор и равнин, подсаживая по пути раскулаченных, как и они, приневоленных переселенцев.

Позади остался город более тысячелетия раздираемый арабами, персами, турками, и, наконец, нашедший убежище сначала в Российской империи, переименованный Николаем I-ым из Гюмри в Александрополь в 1837 году, а в 1924 году, ставший в составе Армении советским, получил название Ленинакан. Но не обрёл покоя.

Конвейер «кулацкой ссылки» нового мира был налажен в феврале 1930 года. Переселенцы относились к первой категории депортации в шестьдесят тысяч семей из Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии.

Обречённые на мучения, если не на гибель, люди, прижавшись друг к другу, раскачивались из стороны в сторону в такт движения подвод. Вынужденное, не по их желанию, жестокое своей дикостью перемещение, по всей стране ручейками стекалось к одному устью, которое и должно стать началом карательной каторжной жизни ни в чем не повинных, обобранных и затравленных, вырванных из собственных домов крестьян.

По грязным от тающего снега дорогам, превратившим

путь в чавкающее чёрное месиво, от погружения в которое фыркают еле переступающие в нём тощие волю, подневольные как и люди, с короткими остановками для смены конвоя и животных, за три дня кое-как добрались до Тифлиса. Там, под дулом винтовок загрузили всех скопом в длинный коричневый состав, похожий на извивающуюся гибкую кишку, и покати́л он, горемык, в холодных, утрамбованных молодыми и старыми, и только начинающими жить детьми, вагонах, в неизведанные чужие дали, называемые казахстанскими степями.

В светлое время суток через щели заколоченных оконцев видна бесконечная равнина. Тоска... Часами только эта картина. Тянутся пустынные массивы, холодят сердце и без того безжизненно-замершее, скомканное... Горные вершины высокие и суровы; степь необъятна.

Только изредка на столбах можно увидеть одиноко сидящих грузных канюк, и на мелькающих в сером тумане чёрных проволоках стройных кобчиков, нанизанных, словно перцы, на нитку для сушки.

Если не помощь местных жителей, эти переселенцы погибли бы. И так гибли сотнями от холодов, голода, болезней. Поселяли людей в голые степи – ни стен, ни крыш над головой. Строили сами, онемевшими от боли и холода руками, почти без инструментов и стройматериалов. Жители ближайших деревень тащили к ним доски, лопаты, гвозди,

еду... Новое поселение худо-бедно отстроилось среди ковыли, стелющейся от сильного ветра травой на многие километры...

Отец мой истерзал руки в раны и кровь, но выжил, благодаря выносливости, жене и детям. Никак нельзя ему оставить их сиротами, нельзя... Тем более весна наступила. А весной всё легче. И детишки бегают, – радуются лучам солнца, пробивающимся из-под твёрдого слоя облаков, – и жена не плачет. Она плакала всю дорогу, от их Орома до стелющихся актюбинских степей, плакала, прижав к себе двух маленьких сыновей. Теперь успокоилась... Или выплакала слёзы?.. Или весеннее тепло согрело? Или степной цветник её заморозил? Не удивительно. Он сам засматривается, время от времени вглядываясь в пёструю, ковром раскинувшуюся вечность. Шуршит степь... Поёт. Он думает. Сквозь время – взгляд и дума его...

Пунцовые маки царственно кивают белым и лиловым анемонам, нежным лютикам, кокетливым фиалкам, прячущим цветки под листьями. Знакомые с детства запахи переносят взгляд на цветочное безбрежье родной земли. Мышцы сердца сжимаются в спазме – холодно... За что?!

Глаза в тоске возвращаются наблюдать, как меняется облик степи к концу весны – в лето она входит с рассыпанными на ней, сильно пахнущими шалфеем и тимьяном; жёл-

тые лапчатки и разноцветные астрагалы под сероватым ореолом листвы колышутся седыми пучками ковыли, похожими на развевающийся по ветру конский хвост.

На фоне декорации из разноцветья трав открывается «музыкальный сезон». Шумное разноголосое население пирует на степной растительности: робко пиликает чёрный полевой сверчок, звонко стрекочет зелёный кузнечик... Но пировать недолго. Слишком быстро приходит вторая половина лета, когда почва в степи твердеет под жгучими лучами солнца. От быстрых испарений на земле образуются трещины; дожди редки, хоть и гремят вдалеке грозы.

Вот и растительность засыхает, а в конце лета, когда жара виснет неподвижным огненным смерчем, степь сдаётся, принимая вид жалкой жертвы. Воет степь. Печаль и уныние. Голод. Сводит желудок от глухого урчания. За что?!

Спасала лебеда, из которой варили похлёбку. И вера в то, что этот кошмар закончится внезапно, как и начался. Присмотрелись друг к другу, стали различать – кто есть кто. Оттаяли, глаза подняли. Народ разный. В основном южный, привыкший к щедрой плодородной земле и съедобным дарам от неё. Здесь же изнуряющий, истощающий, умертвляющий голод. Болезни.

Гибли на ходу, и на ходу хоронили в траншеях – всех валили в одну кучу, засыпая трупы негашёной известью. За что?!

Отец работал не покладая рук, не зная отдыха. Копал, заколачивал сваи, строил, даже охотился.

Жена не отставала – помогала до чего руки дотягивались: стирала, готовила, если было из чего... Армяне, русские, грузины, поляки, немцы, евреи – интернациональное рабство.

Русский язык объединял, а кто не знал его, приходилось осваивать. В муках, болезнях, в холоде и жаре растянлись три года, но мысль вырваться и вырвать заморённую семью из губительных степей, уничтожающих волю и дух, ни на минуту не покидала отца.

Отчаянные спасались бегством; не всем удавалось дойти до конца, но он разработал план, лелеял, прокручивал многократно. Надеялся. И рассчитывал на себя. Силы придавали три пары родных глаз, замершие в безмолвном крике...

Раз в неделю приезжала грузовая машина, привозила поселениям муку, из которой ссыльные пекли хлеб. Отец подкупил водителя, посулив плату. Деньги, каким-то невероятным образом пронесённые и спрятанные, берёг как зеницу ока, не теряя надежды выкупить свободу. Даже жена о них не знала. Договорившись с водителем, ждал удобного момента.

Момент настал. Машина подъехала вечером, когда стем-

нело. Выгрузив мешки с мукой, отец впихнул притаившихся в амбаре жену и детей внутрь, незаметно от охранника, пока того, не ожидающего такой дерзости от истощённых голодом и сломленных духом людей, отвлекали разговорами впереди грузовика, вбросился в зад машины сам, белый как мучной куль, и она тронулась по сигналу, участвующих в побеге отца приятелей. Всё произошло так, как он планировал.

Дальше знакомый товарняк со свистящим ветром в щелях, сгрудившим семью кучкой; сводящая с ума голодом и страхом езда, но уже назад, и потому терпимая, в последнем усилии жизнь, и как мантра, в унисон со звуками об рельсы, дрожащее сладкое слово – домой, домой, домой, – и мысль, что не зря всё, что задуманное вот-вот сбудется.

Брезжит, ускользает, исчезает за хвостом вагонов в дорожном тумане призрачная надежда. Но почему-то веришь, надеешься... надеешься и веришь...

Дрожали от страха на каждом полустанке, забившись в угол, едва дыша... Только слышен глухой стук оцепеневших сердец и, кажется, – не им одним, но и рядом, как и они, дрожащим, съёжившимся, испуганным. И только пронзительный свисток с головы поезда открывал им дыхание и дарил чуточку зыбкого покоя до следующей станции.

Грязные, истощённые, несчастные и внезапно – до боли –

неосознанно-счастливые, претерпев муки ада в воющих казахстанских степях под мощный гул диких табунов и плачущей домбры, им удалось чудом вырваться из них и приехать в Тифлис.

Только теперь та песня не их. И тот ад позади. Ад, через который пройти и остаться тем, кем природой быть предназначено, невозможно.

В свои неполные двадцать четыре они пережили то, что не каждому дано испытать за долгую жизнь.

Заканчивалась эпоха Берии в Грузии, и к этому времени столица обрела лицо сталинского Тбилиси с главной площадью в центре города, с Домом Правительства, с Парком культуры и отдыха имени Сталина на горе Мтацминда (мта – гора, цминда – святая), со стадионом «Динамо» имени Берия и Сухим мостом через Мтквари (Кура).

Старое название Тифлис осталось в памяти людей и на страницах толстых исторических анналов. А теплота – в ярко-красочном стиле французского фовизма в картинах-этюдах Фогеля, отображающих самые типичные уголки старого города с тесно застроенными узкими улочками, с висящими резными балкончиками на домах и неповторимым колоритом облика грузинской столицы. Однако новая транслитерация не повлияла на дух города...

Он продолжал оставаться таким же притягательным, как раньше. С мощёными булыжником улицами, на которых пританцовывая, торговали всякой всячиной весёлые кинто в широченных шароварах с блюдом на голове – табахи; с лениво катящимися буржуазными фаэтонами, в которых осанисто полусидят-полулежат франтовато одетые дамы и господа; с арбами, груженными зеленью, продуктами и разной живностью да с запряжёнными в них верблюдами и волами, издающие специфические звуки, перекрываемые громкими голосами не менее забавных продавцов ады-будов (сейчас это поп-корн), мороженого, леденцовых «пётушков»; и там, и тут под не сочетаемые звуки строгой барабанной дробы и вальжной шарманки, приглашающими на представление уличными акробатами, балансирующих на канатах с шестом в руках.

Многонациональный и потому колоритный; одно-двухэтажный и потому удобный и весь как на ладони; пёстрый, разноцветный и потому неунывающий, пахнущий сочными фруктами, специями, блюдами кавказской кухни, – втягивал в свои объятия любого, кто однажды попадал на его кривые, бесконечно петляющие улочки, которые вели, запутывали, и, к радости исследователя-туриста, не выводили, одаривая счастьем пересечения времени и пространства, заражая вакханалией веселья и очаровывая пленительной атмосферой

старого города.

И смехом, зычными гортанными голосами, добрыми взглядами, дружескими похлопываниями, готовностью помочь, подсказать, накормить и напоить.

В шумном, слегка высокомерном на беглый взгляд, и в то же время бесшабашном мире, легко затеряться.

Попав в старейший Авлабари, истосковавшаяся по красоте и уюту, но и не лишённая рациональности, душа моего отца сразу оценила все плюсы большого города по полному жизни району. Они ожили. Ни ему, ни его жене не хотелось возвращаться в разорённое большевиками армянское село, откуда их погнали в ссылку.

Через связи прошлых лет отец нашёл жильё в одном из бараков, строящихся на просторных окраинных территориях, заполучил одну комнатку и вселился с женой и двумя детьми в плесневелое, с мутным, разделённым на четыре квадратика оконцем помещение, постепенно обставшее домашним скарбом.

В детстве родители учились в школе, но о какой дальнейшей учёбе могла идти речь в начале прошлого века в сельской местности... Несколько классов, едва научившись чтению и письму – и уже считались грамотными.

Однако живой ум отца, любознательность и интерес ко всему, что происходило вокруг в большом городе, впитывал

с жадностью новый мир, который заменял ему «университеты», по выудившему из собственного опыта выражению пролетарского писателя Максима Горького, способствуя изучению жизни такой, какая она есть, формируя его личность как человека энергичного, и даже слегка авантюрного, не остававшегося перед трудностями, бросающего вызов своей судьбе.

Его внешний вид вполне соответствовал духу времени. Худой, – в то время упитанные люди встречались крайне редко – высокий, скорее смуглый, чем светлый, с карими глазами улыбочиво-хитроватого взгляда на классически-правильном, овальной формы живом лице, от неунывающего внутреннего состояния с непоседливым характером, опиравшимся на здоровый дух и вытаскивающим его в дальнейшем из всевозможных передраг, он вызывал в окружающих интерес. С человеком открытым, хотя и повидавшим жизнь не в лучшем, а порой в самом что ни на есть трагическом её проявлении, сумевшим справиться с внутренним надломом благодаря врождённому жизнелюбию, ценящим шутку, нравилось общаться.

Одет просто, как и большинство в то время, опрятно – жена за этим ревностно следила. С утра она хлопотала по хозяйству в своём маленьком жилище, управляясь с двумя подрастающими сыновьями с разницей в возрасте в два го-

да, и время от времени прислушивалась к просыпающимся толчкам новой жизни в ней. Мальчик или девочка? Разве могли тогда знать без тестов на беременность... До чуда-изобретения ждать почти сто лет. Но были, были приёмчики... Скоро, когда животик обретёт выпуклую овальную или круглую форму, местные кумушки со знанием дела пристально осматривая и ощупывая её, вынесут неоспоримый вердикт. Каждая свой.

А пока она возилась с чумазыми сорванцами, стирала и готовила, перебрасывалась новостями с соседками, такими же домашними хозяйками, как и она, и ждала мужа. И сама от сажи и огня, который приходилось раздувать в течение дня по несколько раз, выглядела под стать Золушке. Еду готовила в котелке, подвешенном над огнём во дворе дома, так же грела воду для стирки и купания.

И только вечером, когда изнуряющая работа по дому валила с ног, она могла позволить себе роскошь умыться и предстать перед домочадцами, являя им нежно-белое, в чуть ли не вполровину, захваченное распахнутыми изумрудными глазами лицо, и усталостью подёрнутую улыбку в уголках рта.

Трудности, которые она испытывала сейчас, не сравнимы с адом казахстанской ссылки, грезившейся иногда в наводящих ужас снах, вылезающих из подкорки сознания мозаич-

ными, отнюдь не разноцветными картинками.

Но ночи сменялись днями и, отогнав жуть тьмы, на свету, она только мечтала о том, когда муж принесёт в их дом обещанный примус, и ей не придётся больше наклоняться над огнём и палить волосы и брови. А он бы и рад принести вожделенный примус, да только не заработал пока на него...

Подчистив документы чужими опытными руками, знающими как это делать, работал в разных местах, на подхвате, кем и где придётся.

От природы сноровист, чёрной работы не гнушался и делал, что попадётся в руки. Это и помогло выжить и дожить до этого дня.

Если попадался молоток, он забивал гвозди с таким усердием, словно всю жизнь бил по железным шляпкам, если рубанок, то строгал им, придавая дереву гладкую поверхность, любовно проводя по ней ладонью, если малярная кисть, то окрашивал стены с таким вдохновением, словно втайне мечтал об искусстве. Впрочем, так оно и было. Он любил дело, к которому прикасался.

Приходил домой вечером. Дети, умаявшись за день, помытые и накормленные, спали по-детски беспокойным сном в своей кровати, лёжа валетом так, что ноги одного касались головы другого.

Он осторожно отодвигал их, долго всматривался в спящие

лица, устало улыбаясь, и вытягивал руки над тазиком, поданным женой для помыва. Она молча лила воду на выставленные вперёд сильные мужские руки и посмеивалась, глядя на склонённую голову. Обдавая лицо водой, он фыркал, кряхтел и брызгал ею во все стороны.

– Осторожно – шутливо она отскакивала, – вся вымокла... Он обнимал жену, привлекая к себе и, взбодрённый холодным умыванием, спрашивал: – намаялась?... давай поужинаем и спать...

– Что нового? – интересовалась она в очередной раз, собирая нехитрый ужин. Лицо её светлело, появлялась нежность в глазах, скрытая в их глубине однообразно-скучными домашними делами.

– Всё то же. Строим бараки, магазины... работы хватает, с материалом туго, приходится простаивать, не успевают подвозить... Отодвинув пустую тарелку из-под супа, острым взглядом окинул её: «Ты-то как? Замучили сорванцы?»

– Нет, с детьми заморочек нет, слушаются, после того, как гаркну на них... Ты про примус не забыл? Зимой не смогу воду греть во дворе...

– Не забыл, заказал уже, партия поступит – обещали. Сама

знаешь, дефицит...

– Да, знаю, не у каждой хозяйки...

Он ласково проводил ладонью по округлившемуся животу жены, увлекая к кровати, застеленной ситцевым одеяльцем.

Она аккуратно складывала его вчетверо, ложилась рядом с мужем на скрипучее ложе, проваливавшееся под их тяжестью почти до пола.

Кровать скрипела ещё долго под их смешки и приглушённые вздохи, и вскоре всё затихало.

Последующие дни и годы их жизни были похожи на предыдущие и разнообразием не отличались. Круг знакомых и друзей расширялся, быт налаживался, город приобретал архитектурную особенность времени.

С высоты зданий плакаты призывали и воспитывали:

БЕРЕГИТЕ ДЕТЕЙ – они залог будущего и радость настоящего.

ЕСЛИ КНИГИ ЧИТАТЬ НЕ БУДЕШЬ, СКОРО ГРАМОТУ ЗАБУДЕШЬ.

БУДЬ ГОТОВ К ЗАЩИТЕ ОКТЯБРЯ.

НЕ БЕЙ РЕБЁНКА – это задерживает его развитие и портит характер.

БУДЬ НА СТРАЖЕ.

МОЛОДЁЖЬ – НА САМОЛЁТЫ.

Душевные раны постепенно перемещались на дно памяти, оставляя на поверхности привкус горечи от пережитого и тень недоумения в повзрослевших глазах. Маленькую радость доставило появление примуса в их доме, – с блестящим латунным бачком, – внесло оживление, которое в дальнейшем от постоянной керосиновой вони и копоты сменилось раздражением.

Семья разрасталась, и в ней уже не двое, а трое детей. Они – продолжение своих родителей во всём, но есть одно важное отличие: в детях – неподдельная радость от проживаемых дней и предвкушение радости от дней грядущих – нет за ними шлейфа прошлого. Каждому своё...

Примус и корыто занимали всё время не только моей матери; подавляющее большинство советских женщин, жизнь которых тратилась так нелепо на домашнюю каторгу, быту

отдавали день-деньской.

Другого они не знали – сравнивать было не с чем.

Однообразие постоянных забот и труда, тем не менее, разбавлялось редкими забавами в воскресные дни в общем дворе – молодые мужчины устраивали состязания в борьбе, беге, перетягиванию канатов под шумные возгласы де-творы и стариков, а женщины... женщины с утра отправлялись в знаменитые серные бани Абанотубани, где проводили целый день, сплетничая и общаясь друг с другом, дав волю языкам и эмоциям.

Пару раз с ними ходила и мать моя, но будучи от природы стеснительной, сомнительное удовольствие коллективно посещать баню отвергла, хоть и признавала благотворное действие её на организм.

Усевшись в кружок тёплыми тбилисскими вечерами под деревьями, женщины, лузгая семечки, сплёвывали шелуху под ноги и, болтая о разных разностях, по-своему просвещали друг друга новостями, собранными из чужих уст.

Им нравилось делиться знаниями, чувствуя себя от этого осведомлёнными. Книжек и газет они не читали, довольствуясь той информацией, которая попадала к ним извне – от мужей, соседей, прохожих и приезжих, от вездесущих и всезнающих свах.

О, эти неугомонные свахи, они в каждом тбилисском дворе.

Очарованный их ловкостью, умом, кознях и всевозможных интрижках, Цагарели рассказал о них в «Хануме». Вот и их соседка Ламара – вылитая Кабатю – ни минуты покоя ни ей, ни другим. Вся в трудах...

Едва вышла из бани, где проходили смотрины одной красавицы, которую она наметила для перезрелого, но состоятельного жениха, (сюжет имеет свойство повторяться) прибежала во двор, чтобы не пропустить мимо ушей последние сплетни соседок и похвастаться своими достижениями.

Подобрав многочисленные юбки, плюхнулась на лавочку, взбила и без того уже высокую причёску из тёмных волос, и открыла рот...

Неожиданно зашипел с высоты охрипший, с каждым новым звуком набирающий силу чёрный репродуктор, закреплённый на длинном столбе. Женщины подняли головы – смех и разговоры умолкли.

Шелестящий листьями тополь присмирел, затих от напряжения, рухнувшего сверху. Не так часто оживал «говорун», иногда лилась лёгкая музыка, но сейчас слова «*Внимание! Внимание!..*» прозвучали с тревогой.

Женщины переглянулись и, услышав, что началась война, сначала оцепенели, потом завывая и крича, бросились по домам.

Сваха Ламара рвала на себе волосы, повторяя: «Вай-вай-вай, вай-вай-вай... что будет со свадьбой?»

Мать влетела в комнату и с криком «Война, война...» разбудила дремавшего отца, который не мог понять, почему его жена в слезах, и о какой войне она кричит. Жизнь налаживалась... Какая война?

Наконец, не добившись внятного ответа от неё, выскочил во двор.

Под тускло светившими фонарями собрался народ, живший в близлежащих бараках. Одни подавленно молчали, бледные и мрачные, другие что-то кричали, размахивая руками и причитая. Война? Война!

22 июня 1941 года на страну обрушилось нашествие вражеских полчищ, поправшие библейскую истину «все, взявшие меч, мечом погибнут».

Война пришла внезапно, непонятно, из дальнего далека, грозя невиданной бедой. Война... что это? Зачем? Абсурд, ненужность, жестокость по своей сути...

От Грузии война далеко, однако Турция рядом... прогерманская Турция в любую минуту способна вторгнуться в Закавказье. Не мешкая, две закавказские армии быстренько развёрнулись на грузинско-турецкой границе во избежание

неожиданных действий с этой стороны.

Хоть и считалась Грузия далёким тылом, люди всё равно стремились на фронт и завалили военкоматы заявлениями о добровольном желании сражаться с врагом.

Бросился туда и мой отец. Отстояв очередь, он попал в один из кабинетов, где пожилой военный, изучая его документы и узнав, что он работает на строительстве разных объектов, отложил его заявление в сторону.

– Вы понадобятся здесь. Сколько у вас детей?

– Трое, – с оттенком заносчивости сказал отец, – причём тут...

– При том, что у детей должен быть отец, – спокойно произнёс работник военкомата, и, просматривая документы, внимательно взглянув на отца, продолжил, – Вы и в ссылке побывали... Так, пока в резерв запишу, а Вы идите по этому адресу, там строители нужны... Если понадобится, мы Вас вызовём. До свиданья.

Отец подавленный, что его забраковали под соусом обременённости семьёй – какому мужчине приятно это осознать? – отправился по адресу, указанном на клочке бумажки, и сосредоточившись на нём понял, что это место за их

домом, на огромном пустыре, где мальчишки гоняли самодельные мячи.

Придя туда, он с удивлением обнаружил свежесколоченную деревянную постройку типа бытовки, вокруг которой толпился народ. Подошёл к группе людей что-то обсуждавших, спросил, что здесь происходит?

– На работу устраиваемся, – откликнулся пожилой мужчина с заросшим лицом.

– На какую работу, – не понял отец, – где?

– Здесь, – бородатый мужик обвёл широким жестом пустошь, – здесь объект будут строить...

– А что именно? – поинтересовался отец.

– А кто его знает... сказали, объект военный, вот и ждём, когда нас примут.

Подошла очередь отца и, попав в бытовку, он получил указание завтра с утра подойти к человеку по имени Моретти, который и определит его обязанности.

На следующий день он нашёл человека с необычным для этого края именем. Он в самом деле оказался настоящим

итальянцем, как и следовало из фамилии, лет за сорок; на открытом лице светло-оливкового оттенка большие чёрные глаза, в уголках их затаились весёлые искорки, и каждый раз, когда он здоровался с кем-то, вновь появившимся, искорки вспыхивали, приветствуя незнакомца, словно маленькие разноцветные лампочки.

Коренастый, плотный, с энергичными телодвижениями, он приветливо пожал руку отца, спросил имя и, выведав всё, что его интересовало, представился сам.

– Руководжу стройкой я, Моретти. – Русским иностранец владел хорошо, с еле уловимым нездешним акцентом. Произношение его отличалось мягкостью, в отличие от тбилисского гортанного говора. «С резким звучанием местного языка не спутаешь, у него другая тональность,» – отметил про себя отец, интересуясь своей ролью в строительстве.

– Назначаю Вас главным, у Вас широкая квалификация, много умеете. Будем строить цеха для авиационного завода. Скомплектуйте бригаду из этих потребностей, – и он положил перед новоиспечённым бригадиром список профессий, необходимых для стройки. – Возражений нет? – Чувствовалось, что он человек дела, не допускающий проволочек. – Спрос с Вас, учтите...

– Согласен, – улыбнулся отец, поднимая глаза от списка.

Ему понравилась манера управляющего брать быка за рога. Ну что же, он тоже человек действия.

Сколотить бригаду для него не составило труда. Он работал с людьми самых разных рабочих специальностей – мастерами своего дела.

Среди них были каменщики и штукатуры, бетонщики, плотники и маляры... Обойдя за два-три дня строительные объекты, он собрал артель мастеров и предстал перед изучающими, будто маслом смазанными, очами Моретти.

Тот окинул испытующим взглядом всю братию мастеровых, с каждым поздоровался за руку, уточняя данные, и представил архитектора, проектирующего участок предстоящей работы.

И началось... Таких бригад, как у отца, было много. Фронт работ огромен, но и задача перед строителями стояла нешуточная. Работали днём и ночью, без выходных, по ходу набирая новые бригады.

Параллельно со строительством цехов из Таганрога шла эвакуация авиационного завода, и уже в конце 1941 года Тбилисский авиационный стал выпускать самолёты, необходимые фронту.

Работа не останавливалась ни на секунду, без сна и отдыха люди безропотно делали своё дело, как и бойцы, которые стояли насмерть за тех, кто оставался в тылу.

Мать моя не видела отца около месяца с тех пор, как он ушёл строить завод. И когда однажды вечером он неожиданно ввалился в дом, она, при слабом свете от чадающей керосиновой лампы, не узнавая собственного мужа, при виде заросшего щетиной и покрывшегося грязью человека вскрикнула, от страха собрав в охапку детей, забилась в угол, не спуская с него напряжённого взгляда.

Услышав голос мужа, она в отчаянии взмахнула руками, — боже, как урна привокзальная, — подбежала к нему и тут же бросилась греть воду.

— Не бойтесь, я это, я, чумазый весь...

— А ну ка, чумазый, полезай в корыто, — скомандовала мать и, сунув в руки старшему ковшик, приказала лить на голову отца.

Дети раскрыв рты, смотрели как слои грязи стекали по рёбрам, выпирающим на худом теле; чернота смешивалась с мылом и смывалась водой, враз открывая чистые участки кожи, окрашивая угольно-жидкой сажей алюминиевую посудину. Отмытые глаза засияли и улыбнулись, губы растянулись в ширь лица...

Отца усадили на деревянный стул, словно на трон, облачив его в заштопанное, но чистое бельё, а дети, вычерпывая из корыта грязную воду, быстро-быстро уносили её ведрами из комнаты. Мать накрыла на стол, и семейство собралось

за ужином.

– Ничего, потерпите, не пыль пинаем, так надо. Главное, положили начало, а дальше пойдёт поспокойнее, не я один, вся бригада работает без отдыха. – Он ел с явной неохотой, усталость брала своё: язык не слушался, заплетался, но он продолжал спрашивать:

– Как вы тут? Справляетесь? Мамку слушаетесь?

– Д-а-а-а, – в один голос закивали дети, – слушаемся...

– Пойду-ка лягу... Подушка меня вылечит...

Мать, поддерживая под локоть, проводила, с жалостью вглядываясь в похудевшее лицо мужа, и повернувшись к детям цыкнула, чтобы не шумели.

Он спал до полудня следующего дня, а проснувшись, жадно набросился на еду. Борщ и рисовые котлеты с тарелок исчезали с молниеносной скоростью. Жена и малышка не спускали с него глаз.

– Сыт?

– Да, спасибо, вкусно как! Там ели что придётся, всухомятку, о еде не думали... Лишь бы в голодный обморок

не упасть. А пацаны где?

– Так в школе, где им ещё быть... Ты сегодня не уйдёшь? – Жена с тревогой ждала ответа.

– Нет, сегодня дома, утром заступлю. Как вы без меня? Дети помогают?

– Куда ж денутся. И воду принесут, и в магазин сбегают, обходимся, да и соседи тоже... А тебе там достаётся? – она с жалостью смотрела на мужа. Лицо его за ночь отдохнуло, взгляд успокоился и речь, как прежде, оживилась, потекла...

– Знаешь, все при деле. Бригада хорошая, друг другу помогаем, люди разных национальностей, как одна семья... И управляющий – мужик что надо, итальянец, правда, но на нас очень похож...

– Итальянец! – поразились она, – откуда взялся? – Глаза жены вспыхнули любопытством. Она как-то приосанилась, выпрямилась и отец в очередной раз с удовольствием окинул её лёгкую фигурку, не обременённую излишним весом. Он усмехнулся:

– Из Италии... уже лет двадцать здесь, приехал молодым, и вот, задержался. Поручили ему этот объект – работает...

толковый, и к людям с душой. Жена слушала с интересом, только спросила: «А семья есть?»

– Есть. И жена, и дети. Говорит, война кончится, уедут домой... Когда она кончится?..

– Кончится! Не вечно же ей быть. Лучше ложись, отдохни, пока есть возможность. Не знаешь, когда ещё придётся поспать... – Муж не сопротивлялся, а она вышла в коридор посудачить с соседками.

История судьбы Моретти не шла у отца из головы. Как-то они вместе наблюдали за кладкой стены. Рабочие достраивали очередное строение, а они отошли в сторонку покурить.

В руке управляющего появилась чёрная коробочка с золотистой каёмкой. «Герцеговина Флор». Невиданная роскошь... Открыв её, предложил отцу. Дорогие папиросы, отец такие не курил.

Не отказался, соблазн попробовать пересилил служебную дисциплину. Пополз ароматный дымок. Хорош-и-и-и, крепкие, с приятной кислинкой... Располагали к душевной беседе.

Отец спросил, как Моретти оказался в Тбилиси? Итальянец прикрыл глаза, глубоко затянулся, отвёл взгляд, ещё раз крепко затянулся папирсой. И рассказал романтическую ис-

торию, замешенную на политике.

После Первой мировой войны, когда началась масштабная перестройка мирового политического пространства, под эгидой Лиги наций была сформирована мандатная система, разделившая «опекаемые» территории.

Сирия, Палестина, Месопотамия достались Франции и Англии. Италию обделили.

Италия глубоко оскорбилась; тогда подняли вопрос о необходимости предложить господину Орландо (итальянский премьер-министр) мандат на Грузию. Господин Орландо согласился, и послал в Грузию миссию под председательством сенатора Конти. Рекомендации миссии по принятию мандата оказались более чем положительными.

В Италии стали думать о создании «Итало-Кавказского банка», однако министерство господина Орландо вскоре было свергнуто, а новый министр отказался и от мандата на Грузию, и от экспедиции, которая должна была вести подрывную деятельность по свержению московского большевизма.

Меньшевистское правительство, управлявшее в 1919г. Грузией, было в курсе планов держав Антанты, и соглашалось на то, чтобы Грузия служила базой для итальянско-белогвардейской экспедиции против советской России.

– Такая история, – вздохнул Моретти, – втягивая в себя

очередную порцию душистого дымка.

– А при чём Вы? – недоумевал отец.

– При том, что в той миссии участвовал мой отец. Он так проникновенно и красочно рассказывал о стране, в которой побывал, что заразил меня, своего подрастающего сына, любовью к Грузии.

...Я окончил учёбу, получил диплом строителя, и не без помощи отца приехал в Тбилиси строить государственные здания, в которых нуждался город. Думал, на время. Но... как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

Отец, поражённый слушал и не верил. Хотя, какой резон обманывать его? Собеседник продолжал:

– Народ понравился мне, темперамент с нашим схож, такой же шумный, весёлый, разговорчивый... А песни... танцы... – Он улыбнулся и закончил, – влюбился в грузинку, женился... Два сына у нас. Мечтаю увезти их к себе на родину. Родители ждут...

После случайного откровения взаимоотношения двух мужчин стали более тесными.

Как-то Моретти зашёл к отцу домой по делу, и был удручён условиями жизни семьи бригадира. Ничего не сказал,

но задумался крепко.

Строительство авиационного завода к тому времени шло полным ходом. Корпуса вставали один за другим, и на следующий же день в них начиналась важная работа: оснащение новых цехов оборудованием, станками, подбором технического персонала и рабочих коллективов.

Специалисты из Москвы, Горького, других городов – конструкторы, инженеры, технологи заполняли цеха, отделы и жильё, специально выстроенное для них. Страна мобилизовалась.

Бригады строителей осваивали территории, а на дорожку из сборочного цеха выкатывались новенькие истребители ЛаГГ-3.

У проектировщиков и изготовителей машина получила прозвище «Лакированный Гарантированный Гроб».

Ох, и опасались же немцы конструкции из дерева и дельта-древесины из-за его огромной огневой мощи... Создатели – от конструкторов до рабочих – знали о страхе немецких бомбардировщиков перед этими самолётами. Это так воодушевляло людей, что они готовы были работать на износ.

И работали. Пали от усталости, но работали. Во имя победы. Полуголодные, не спавшие, немытые – работали. За небольшую зарплату, почти даром – работали. Боль-

ные, неухоженные, молодые и старые – работали. Мужчины и женщины – работали. Дети – работали.

Как-то мать вешала бельё во дворе. Соседки зашушукались, завидев подходившего к их дому в тёмно-синих галифе, вправленных в высокие сапоги, в светло-бежевом кителе мужчину.

– Красавец! К кому идёт? Мать глянула вперёд и, узнав в шедшем Моретти, цыкнула:

– А ну, замолчите, стыдно, ещё услышит, – и бросив мокрую простыню в таз, поправляя на ходу, выбившиеся из сбранного на затылке в пучок, волосы, пошла навстречу.

За ней побежала малышка, до этого копавшаяся в песке, вцепилась в выцветшую от стирки юбку матери. Он улыбнулся ребёнку, и протянул женщине два больших кулька.

– Возьмите, проходил мимо – занёс, это детям. Она зарделась от смущения, не могла произнести нужных слов. Придя в себя, промолвила: «Заходите, чаем напою...»

– Нет, спасибо. Знаю, что муж на работе. Это детям, – и ушёл.

Несмотря на то что отец пришёл домой уставшим и ночью, взгляд его сразу остановился на необычных продуктах,

разложенных на столе. Колбаса, консервы, крупы, яблоки...

– К нам кто-то приехал? – спросил он у матери тихим голосом.

– Приходил Моретти, он принёс...

– Моретти?.. То-то его не было около часа на заводе...
Смотри как... – Глаза отца зажглись и потухли – усталость одолевала. – Хороший человек. Уважают его... Строг в деле, но душой чист. Ему до всего есть дело... – и, сломленный сном, отключился.

Наделённый душевной щедростью, Моретти под Новый год устроил для детей рабочих новогодний утренник с Дедом Морозом и Снегурочкой. Веселились в новом клубе завода.

Дети не отводили глаз от ёлки, украшенной гирляндами из переливающихся стружек, и крепко прижимали к себе кулёчки с конфетами и фруктами. Глазки сверкали, ножки притоптывали, сердечки ликовали...

Взрослые потом при случае благодарили его за заботу и праздник. – «Гмадлобт, генацвале» (спасибо, дорогой). При этом так искренне улыбались, что ему становилось не по себе. Никто не знал его имени – Моретти и Моретти. Он так представлялся.

Вне территории завода, кроме клуба, школы, магазинов,

бани строились жилые дома. Много новых удобных домов, не чета грязным баракам. Руководство завода оттуда потихоньку людей выселяло и предоставляло комнату или квартиру в построенных домах – квартиру давали многодетным семьям.

Однажды отец пришёл домой на подъёме и с порога заявил матери:

– Радуйся, мне предложили переехать в новый дом... Мать всплеснула руками, – Неужели, наконец-то освободимся от этой сырости... А когда?

– Не знаю точно, вызвали в жилищный отдел, интересовались сколько душ в семье, наверно, две комнаты дадут или квартиру...

– Две комнаты? Квартиру? с Моретти ты говорил? – Моретти... без него ничего не решается, права жена, надо поговорить с ним. Он посоветует – где, что... Дельный мужик.

Моретти не только посоветовал. Через пару дней, когда отец завёл разговор, тот подвёл отца к окну. Со второго этажа своего кабинета, откуда были видны новые дома, обводя рукой перспективу перед ними, предложил:

– Выбирай любой дом, любую квартиру. У тебя семья

не маленькая, и что-то мне подсказывает, на трёх детях вы не остановитесь...

Отец рассмеялся, обвёл взглядом пространство и, переводя взор на зелёный пригорок в отдалении, возвышающийся за железной дорогой, продолжая смеяться, сказал: «Во-о-он там хочу». Глаза Моретти проследовали за его пальцем, и он, тоже рассмеявшись, удивился:

– Там! Но там же ничего нет. Домов нет... Трава, кустарники, за ними пустырь...

– Нет? Пока нет. Если позволят – построю. – Голос отца мечтательно протянул... – Не люблю квартиры. Простора хочу... сад, огород, двор свой, чтоб детишки бегали... – Управляющий с нескрываемым интересом смотрел на него.

– Хорошая идея. Давно задумал?

– Нет, только что... – Отец с сожалением посмотрел на пригорок, заросший буйной травой и отошёл от окна. – Но кто позволит... Хотя, земли полно...

– *Bella vita, amico...* – похлопал отца по плечу итальянец, – *...eccellente.*

Сторонняя война лилась из репродукторов. Громыхали пушки, рвались снаряды. Сердца каменели от звуков...

К концу осени стали ощущаться перемены на общем фоне города. Что-то неуловимое изменилось и в самой атмосфере... Больше плакатов? И это тоже... «Всё для фронта, всё для победы!» «Враг не пройдёт», «За Родину -Мать».

Но не только плакаты... Традиционно франтоватый Тбилиси терял лоск и живость. С лиц сходила заносчивость, присущая столичным. Во взглядах появилось напряжение – предвестник внутреннего, не до конца осознанного страха. Беда тесным воротом свела плечи горожан. Всё чаще просачивались слухи о больших потерях и гибели людей. Всё меньше поводов для радости – не предвидится конца войны.

Гурами потряс двор появлением. Его привезли как-то днём, выгрузили из «виллиса» цвета хаки с красным крестом на боку и опустили около барака, где он жил с матерью, свахой Ламарой.

Полтора года он воевал, в порыве молодости подавшись на фронт в первые же дни войны. Полгода лечился в госпиталях.

Без обеих ног, на низенькой тачке-платформочке на роликах (таких инвалидов называли «танкистами»), двадцатилетний боец вернулся домой.

С безрассудной смелостью бросившись на врага, оказался перед вражеским танком, готовым подмять под собой всё

движущееся... Собрав силы, израненный, кровью исходивший боец, в последний момент подорвал его.

Мать моя выбежала во двор, слыша плач и крики. Ламара, распластавшись у не существующих ног сына, припав к доске, как к пьедесталу скорби, криком кричала, ударяя головой о землю. «Вай мэ, вай мэ, дэда...» – голосила несчастная. Женщины, окружившие её, плакали навзрыд. Гурами смотрел на неё и тихо повторял: «Мам, не надо, мам, не плачь...» Боец вернулся домой...

С каждым днём таких бойцов становилось больше. Город принимал их – контуженных, с дёргающимися головами, руками, раненных осколками в разные части тела, обожжённых и простреленных; без конечностей – «самовары», без рук, без ног – «тачки» или «танкисты», безногие, с зашитыми кожей задницами; «обрубки» – полные, половинные и комбинированные; «костыли» – отсутствие рук правых, левых... Принимал и содрогался.

Ламара постарела за неделю, никто не слышал больше её смеха и матримониальных задумок... Мама моя тайком от всех часто оплакивала искалеченную молодость Гурами и таких же парней, ставших ненужными.

К кому взывать! Кого молить! Бога или Чёрта...

В других городах страны сотни, тысячи подобных Гурами скитались по вокзалам, рынкам, поездкам, деревням, про-

ся милостыню; спившиеся, бесприютные, без денег и жилья, но увешанные наградами... Никому не нужные.

Ни Богу, ни Чёрту! Ни людям! Даже родным.

Валаам приютил, когда калек всех видов и мастей собрали с больших и малых дорог обожжённой войной страны.

Кому нужно, кому это нужно? плакала мать, не понимая, что люди делают друг с другом. За что? Так же страдают и гибнут те, кого погнали в чужую страну...

Кто развязал войну? За чем их гнали? Враги... друзья... Почему люди не могут договориться? Что за лицемерие – убивать, хоронить и сокрушаться...

Они с отцом часто обсуждали эту тему, и будучи людьми от земли, не понимали, как можно делить эту самую землю, которая существует для жизни и ради жизни.

Кто дал право делить планету во имя собственных амбиций, ложного величия, натравливая одни народы на другие?... И кончится ли подобное варварство?...

Они с отцом прошли нелёгкие пути и больше не хотели их проходить... Они хотели жить честно, справедливо, иметь большую семью, растить детей, радоваться их успехам... Вот и вся цель. Но на пути к ней людям мешает буквально всё. Кто вправе лишить человека простых радостей, и имеет ли кто-нибудь мандат на такое право?..

Отец успокаивал мать как мог, уверяя в скором конце вой-

ны. Они должны думать о своих детях, тем более совсем скоро у них появится четвёртый малыш.

Глава вторая

Владимир.

Творческая натура моего отца не нашла выхода к специальности. Если бы он рос в среде музыкантов, художников, писателей, он занялся бы созиданием. Не дала судьба шанса...

Внутренний мир жаждал красоты, а приходилось делать то, что необходимо его близким. Еда, одежда, устройство жизни семьи – его забота. На другое времени не хватало.

Быт подавлял рациональностью, однако сдержать или убить в нём творческий запал не мог.

Поэтому себя не смирял, на горло собственной песне не наступал и рвущееся наружу стремление к прекрасному проявлял способами, не требующих чрезмерных усилий.

Любил петь – напевал, любил юмор – подшучивал, любил драму и комедию – свободными вечерами устраивал домашние спектакли... Искусство на уровне инстинктов... Иногда уединялся и сочинял – писал стихи, короткие рассказы.

Но в полной мере тяга к высокому проявилась в двух вещах – хорошо выглядеть внешне, что в первой четверти двадцатого века в простой среде считалось блажью, и нарекать своих детей значимыми, имеющими историю, звучны-

ми именами.

Первое – эстетское – придёт со временем, достатком и спокойной жизнью, второе – идиллически-геройское – начал осуществлять с рождением первенца.

Самой значительной личностью эпохи был Владимир Ильич Ленин. Всё, что знали люди о нём в ту пору, соответствовало представлениям моего отца о великости. Совершенно обаятельному молодому человеку с мягким взглядом пытливых глаз удалось основать Советское государство и Коммунистическую партию, встав во главе и того и другого. Великая авантюра? Но осуществлённая! Ни доли лукавства... от чистоты убеждений.

Обладатель светлого славянского имени, которое дышит спокойствием и миром, через... революции и потрясения вёл страну к социализму впервые в истории человечества. Вёл гордо и уверенно!

Со страниц книг, портретов, значков на белоснежных рубашках октябрят и юных ленинцев смотрело одухотворённое и полное доброты, веры, надежды, ума лицо мальчика, юноши, наконец, мужа – человека очень близкого и родного. Такому не можешь не верить! Готов, способен перевернуть мир, чтобы сделать каждого счастливым. Чем не герой?!

Окутанная флёром пассионарности вождя, история име-

ни моего старшего брата, принималась главой семейства как благодарность его выдающемуся носителю за анонс сказочного завтра. Ни отцу, ни кому-либо другому ничего не было известно о том, что настанут времена, распахнутся двери архивов и человечество узнает о кровавых событиях, о «красном терроре» в истории народа под предводительством властителя, заразившего полмира коммунистическими идеями, разрушая, уничтожая, истребляя, чтобы построить «свой, новый».

Заглядывая в сегодняшний интернет, поинтересовалась мнением потомков, которым пришлось семьдесят лет жить в «светлом будущем», созданном большевистской партией – «умом, честью и совестью эпохи». Предсказуемые своей разностью, ответы на вопрос «Что дал миру Ленин?» посыпались из «интерзнайки»:

– *Голод, холод, смерть;*

– *дружбу народов. Счастливое детство, мороженое за 20 копеек, возможность разъезжать по стране, не боясь, что тебя взорвут;*

– *лампочку Ильича;*

– *страх за своё будущее;*

- бесплатное образование и медицину;
- первую в мире могилу-трибуну;
- показал звериный оскал коммунизма;
- двадцать миллионов смертей в гражданскую войну, разруху;
- учение о социализме с человеческим лицом;
- залп из Авроры и сто лет разрухи;
- что можно жить без капитализма... разрушил все стереотипы буржуев;
- наказ: учиться, учиться, учиться. И это здорово!
- ничего хорошего не дал, кроме провального эксперимента над народом.

Хорошо, что этих противоречий отец мой не знал, иначе крепко бы задумался: он предпочитал не сомневаться в принятых решениях. Поэтому с чувством удовлетворения и осознанием гениальности вождя мирового пролетариата нарёк

сына его именем.

Владимир, Володя, Влад, Ладик, Ладо – кому как нравилось. С детства непоседа и живчик, носился по подворотням с оравой мальчишек, готовых выполнить каждое его слово. Время от времени забегал домой помочь матери – и снова пропадал. Учёбой не интересовался, книжек не читал, от школы отлынивал, но влюбился в сероглазую с рыжими кудряшками девочку, похожую на испуганного птенчика, из соседнего барака.

Отец до поры до времени не давил – своих забот хватало, но, когда однажды директор школы пожаловался на отсутствие отпрыска на занятиях, Владу пришлось ощутить тяжесть его кулака, который в один из вечеров в гневе опустился на обеденный стол.

И этого хватило, чтобы привести в чувство своенравного парнишку, получавшего жизненные уроки во дворах, где драки, курение, стибривание, пацанский трёп формировали характер.

– Не учишься, иди в подмастерье, – решил отец, поставив точку в праздном шатании, – специальность получишь... И отправил тринадцатилетнего недоучившегося недоросля на недавно открывшийся танкоремонтный завод. Знакомо, не так ли?

В тылу дети работали наравне со взрослыми. Ошалевшего от вида боевых машин, участвующих в сражениях и прибывающих в свой лазарет за «здоровьем», пацана перестали интересовать сверстники.

Теперь он мотался по цехам от одного мастера к другому, постигая азы слесарного и токарного ремесла, и домой приходил с ног до головы обмазанный коричневым смазочным мазутом, пропахший бензином, прибавляя матери стирку, в которой опухали руки и ныла спина от тесного общения с корытом.

В выходные Влад с ребятами гонял мяч перед баракком Розы, в надежде увидеть её и покрасоваться в новом качестве рабочего человека, которое прибавляло ему значительности в глазах сверстников и наполняло его самого гордостью.

Она училась в школе, помогала многодетной семье по хозяйству, не забывая при этом посылать в его адрес ещё полудетские, но постепенно наполняющиеся кокетством неосознанной женственности, тайные от всех, томные взоры. Взгляды с каждым разом становились смелее и нежнее что с одной, что с другой стороны. Игра в две пары глаз повергала в трепет обоих – первые чувства и первый... стыд.

Одежда стиранная-перестиранная, штопанная-перештопанная, переходящая от старших к младшим, и стоптанная

обувь, на что не обращали внимания до обнаружения друг друга, вдруг выявила некрасивость и убогость их внешнего вида, стала смущать, окрашивая щёчки в пунцово-алый, особенно у девочки, заставляя её страдать и ночами плакать в подушку.

Но у любви свои правила, ей абсолютно всё равно, кто во что одет, и одет ли вообще. Она поражает сердце, особенно юное, потому что всегда обнажённое.

Дядя Коля – мастер высшего разряда, к которому в конце концов прибился Влад, шнырявший по цехам на подхвате, спустя время заметил интерес своего подопечного к чертежам. Мальчик деловито расправлял слабо-кремового цвета лист бумаги и изучал изображённую деталь с серьёзностью, пытаясь проникнуть в суть нарисованной железки более, чем она есть на самом деле. При этом шевелил губами, что-то высчитывал, задумывался, пытаясь по чертежу расшифровать название детали, форму, габаритные размеры.

Подобное внимание к той части работы, на которую не тратили время ученики старше его, не могло пройти мимо дяди Коли.

Умение работать с чертежом для токаря – залог успеха.

Мастер ставил мальчика к станку и наблюдал, с каким самозабвением Влад обрабатывал заготовки, получая гайки, втулки, колёса и муфты в результате вращения резца, давя-

щего на металл.

Остатки его, превращаясь в металлическую стружку, радужно переливаясь и извиваясь змейкой, падали ему под ноги в виде вороха отходов.

– Токарь от Бога, – нахваливал наставник ученика, – на станке работает, как на пианино играет...

– Такой малец, без опыта, поди ж ты... – удивлялись другие. Через несколько месяцев о успехах Влада знал весь завод. Читать чертежи для него – раз плюнуть. И расшифровывал их, как успели заметить опытные мастера, почище пианиста, искусного в нотной грамоте.

Слава сына дошла до родительских ушей.

– Слышал, ты чертежи читаешь быстрее книг? – спросил за ужином отец.

– Ну, – засмутился парень – это не трудно... Отец не спускал с него глаз. – Русский чубчик придавал тонкокостной фигурке независимый и задорный вид. Осунулся сын, вырос, возмужал... усики пробиваются. Как дети растут... стремительно.

– Где твой брат?

– Читает... – Влад кивнул на закрытую дверь. Вот так. Один безуданно читает, другой работает. Что ж, каждому своё.

В последнее время на отце лица нет. Ходит чернее тучи. Мать пыталась выяснить причину его бешенства, но он раздражённо отмахивался, мол, не лезь, не женское это дело. После ужина, оставшись наедине с мужем, ещё раз попыталась с робостью в голосе:

– Всё-таки, что случилось? Я же вижу... Её взгляд требовал ответа, отец знал, если не скажет, укор будет преследовать долго, да и ему хотелось высказаться.

– Деньги пропали. Зарплата рабочих... – Глаза упёрлись в стол. Неподвижность мужа передалась ей. Мать оцепенела.

– Как? Ты всегда тут же раздавал?

– В этот раз не успел. Часть раздал, люди по-одному подходили в подсобку, получали, расписывались и выходили. Вдруг со стройки прибежал каменщик, его напарник с высоты упал, голову пробило... Пока то да сё, повезли в госпиталь, вернулся – денег нет. Замок висит, а денег в ящике не оказалось. Правда, окошко осталось приоткрытым...

Мать с напряжением смотрела на него. — Кого-то подозре-
ваешь? — Отец в раздумье отрицательно покачал головой. —
А Моретти что?

— Что?.. Недоумекает, переживает, наверно меня подозре-
вает...

Мать всплеснула руками:

— Что ты, что ты, не может быть... Отец пожал плечами, —
почему нет? не брат не сват, имеет право...

— Сообщили? Милиция в курсе? — Да, сообщили, резуль-
тат — ноль... Ребята не могут в себя прийти, такого в бри-
гаде не случилось. Стыдно. Люди на фронте жизнь отдают,
а тут... Он не досказал, взмахнул рукой, словно саблей от-
верг того, кто посмел взять деньги.

За тонкой перегородкой предавался сладостным мечтани-
ям о возлюбленной Влад. Настроение испортилось от услы-
шанного. Отца жалко. Кто та гнида? Долго ворочался
и в мыслях заснул тревожным сном.

Немцы наступали по всей линии фронта. С района До-
на беспрестанно эвакуировали раненых. С вокзалов бойцов
на подвижных составах отправляли в Закавказье и Среднюю

Азию.

Не хватало катастрофически транспорта... Машин не хватало, поездов. Кто мог самостоятельно передвигаться, вместе с начальниками эвакогоспиталей по Военно-Грузинской дороге направлялись в Тбилиси. Пешком, на подводах с одеялом в руках, матрасным мешком и суточным запасом сухого пайка...

Город встречал искалеченных бойцов многочисленными госпиталями. К тому времени в Тбилиси их было более восьмидесяти.

Жители знали о нескончаемых эшелонах раненых и сами несли к госпиталям хлеб, молоко, овощи. Делились, ограничивая себя в недостающих продуктах.

Несколько раз моя мать с соседками, собрав съестные домашние заготовки, отправлялись к ближайшим больницам, переоборудованным под госпитали. Потом, в разговорах между собой болели сердцем, жалея изувеченных парней, которые подобно детям малым, искренне радовались любому посещению, на время забыв о болях.

Школьники устраивали для них концерты, а Роберт Рождественский после войны писал:

Сорок трудный год.
Энский госпиталь...
Коридоры сухие и маркие.
Шепчет старая нянечка:

«Господи...

До чего же артисты

маленькие...»

«Артисты маленькие», да удаленькие. Шныряли по всему городу и днём и ночью – время такое для них – безбоязненное, кто их тронет? что с них взять? А они могли дать... По мере выздоровления раненых выписывали, снабжая справкой о нетрудоспособности.

Некоторые искали свои части, другие уходили к партизанам, но были и те, кто оставался в городе. Дети бегали за ними, зазывали к себе домой; родители кормили и даже держали у себя до того, как люди определялись.

Именно таким образом обосновался в Тбилиси дядя Коля, мастер Влада. В первые же месяцы войны он остался без ноги, пролежав в госпитале полгода и придя в себя от ранения, стал работать на заводе, получив койку в общежитии и пару костылей.

Его не тянуло назад, так как он был сиротой, и на войну ушёл из детдома, где работал в мастерской, обучая детей.

Была у него одна мечта – найти друга. В их танк попал снаряд, они чудом уцелели, но потеряли друг друга.

Где Волошин? воюет или инвалид, как и он? Кончится война – обязательно начнёт поиски своего весёлого напарника, сыпавшего анекдотами во время опасных боев.

Влад отпросился на два дня, какие-то дела у него появились... однако мастер предупредил, если будет болтаться по улицам – накажет. Влад усмехнулся и отправился на... улицы, но не болтаться, а делать дело.

Своих ребят застал, играющих в «кочи» – игра тбилисских пацанов того времени.

Нижняя баранья кость, голая или залитая свинцом – «джила», являлась предметом огорчения или радости мальчишек в дворовых играх, в сопровождении возгласов «алеч», «тохан», «скипа», «кругом как хочу»... Её бросали в очерченный круг, и мастерство броска зависело от ловкости конфигурации пальцев, посылающих «кочи» к победе или поражению.

Влад застал их в тот момент, когда склонившись над кругом, игроки растопыренными пальцами отмеряли расстояние от кости к черте, чтобы определить количество очков от броска. Ступив ботинком на «джилу», он вызвал их недовольные крики, но вскинув головы вверх и увидев приятеля, пацаны вмиг забыли о своих разногласиях, обступили его.

– Ва, какими судьбами, брат! – посыпались вопросы.

– Нужна помощь, – сразу заявил он, – времени у меня мало. Кто со мной в Исани? (часть Авлабара). По дороге расскажу... Нодар, идёшь? А ты, Стёп?

Брат Нодара слыл «блатным» малым. С помощью его по-
лукриминальных связей Влад рассчитывал узнать кое-ка-
кую информацию о тех, кто промышлял нечестным трудом
в округе и, может быть, выйти на того, кто спёр зарплату ра-
бочих.

Ватага ребят местами по неприкрытым пыльным, места-
ми по мощённым галькой улочкам, отправилась домой к Но-
дари, гадая, застанут ли они Дато? Преодолев с лёгкостью
крутые подъёмы района, они поднялись на самую верхотуру,
открыли калитку во двор...

Дато сидел за круглым дощатым столом в одной майке,
несмотря на прохладный осенний день, и задумчиво смотрел
на группку, словно заранее знал о их приходе.

Красавчик с огромными чёрными глазами на смуглом ли-
це, похожий на голливудского актёра Кларка Гейбла, чью
фотку однажды видел Влад, широким жестом молчаливо
указал им место против себя и с видом покровителя флег-
матично спросил:

– И чего хотите? В руках он мял маленький мячик, и на-
качанные бицепсы плеч перекатывались под кожей, вызывая
блеск в глазах пацанов.

Нехотя перенеся взгляд от живой игры мышц на лицо со-
беседника, Влад начал рассказывать. Когда дошёл до кражи

денег, Дато прервал его и насмешливо, обводя взглядом ребят, пришедших с ним, произнёс:

– А они при чём?

– Просто так, со мной, – ответил Влад.

– Так, айда по домам... Ты тоже... – Вытянутый палец жёстко ткнулся в рядом сидящего брата, – шевели поршнями, мама ждёт...

Выслушав рассказ Влада, он долго молчал. Вообще славился двумя вещами – игрой в карты и молчанием.

Карты были запрещены, однако это не мешало игрокам тайно собираться. Играли на деньги, профессионально. Играли солидные люди, а всякая шушера не имея возможности примкнуть, крутилась вокруг. На это и надеялся Влад. Не может такая сумма не высветиться, в этом районе у неё одна дорога – влиться в азартную игру.

Но своеобразный кодекс чести картёжников по мере возможности соблюдался – краденным деньгам, если доподлинно известно об этом, не место на игральном столе.

Влад знал об этом, и, как бы предупреждая Дато, рассчитывал, что деньги, похищенные у отца, обнаружатся.

Дато молчал. Глубокомысленно. Да, он не воевал, не рабо-

тал, но крупницы совести имел, и обострённое чувство справедливости не раз вызволяло из беды других людей. Если выигрывал, на еду и кров проигравшему оставлял. С близкими делился. Поэтому обездоленных рабочих жалел.

Вздыхнул, зевнул, сверкнув рядом здоровых зубов, и, наконец, прервал молчание:

– Пойдёшь со мной вечером... Посмотрим, что можно узнать...

Влад появился дома спустя два дня. Он знал, что родители не будут беспокоиться из-за отсутствия, так как иногда оставался ночевать у дяди Коли в общежитии. Войдя в барак, разделённый длинным коридором на обе стороны, увидел мать, прильнувшую к дверям их комнаты. Она плакала. Не успев спросить что случилось, услышал голос отца, с надрывом повторяющего фразу: «Ну, убей меня, убей... Убей, говорю, и дело с концом... Я ссылку пережил в голодных степях, сотни смертей... не из пугливых...»

– Что это? Кто там, кому он кричит?.. – спросил шёпотом у матери.

– Моретти. Сначала спокойно разговаривали, потом отец сорвался на крик... не выдержал, разошёлся, считает, что тот его подозревает...

– Хорошо, я войду, подожди... – и, мягко отведя руку матери, пытавшейся остановить сына, ворвался внутрь.

Отец стоял по другую сторону стола, двумя руками распахнув рубашку и обнажив грудь, вероятно, для выстрела.

Моретти, прищурясь, не сводил с него глаз. Не ожидая такого поворота в разговоре, взглядом пытался усмирить своего расходившегося подчинённого.

– Успокойся, с тобой говорить невозможно, чего кипятиться, – и, повернувшись к вошедшему Владу, продолжил, – зашёл обсудить, а он совсем очумел, стреляй, говорит... Ох, и горяч отец, кипяток...

– Стоп! Стрелять не будем, вот ваши деньги, – переводя дыхание сказал Влад, и бросил на стол пакет. Правда, здесь немного не хватает, успел гад потратить...

– Кто... откуда? – от природы большие глаза Моретти увеличились вдвое, воззрившись на парня. Отец словно язык проглотил, сжимая рубашку, ел глазами пакет... Мать, всё слыша, бочком вошла, осторожно улыбнулась, наклонилась к свёртку, но не посмела открыть его. Так и застыла.

Моретти, подняв свою руку, по привычке лежавшую на кобуре с пистолетом, выданным ему по должности на военном объекте, потянулся к пакету с деньгами, подтягивая

к себе.

– Откуда? – более спокойно, и уже требовательно переспросил он, разворачивая обёртку.

– У отца в бригаде работал Мишико, помнишь, отец? Его дядька просил взять на работу, он у вас месяц проработал, разнорабочим... Так вот, это он спёр, удобный момент рассмотрел...

– Каков подлец! Надо в милицию сообщить. – Похлопав одобрительно по спине парня, похвалил, – ищут они, а нашёл ты, молодец Влад! – Моретти подвинул пакет к отцу, попрощался и вышел.

Утром отец раздал деньги рабочим, восполнив недостающую сумму своей зарплатой и оставив мать с пустыми руками, но несказанно радостным настроением. «Ничего, – приговаривала она, – деньги заработать можно, здоровье – нет.» И это правда, отец светился.

Каменщик, узнав о преступлении племянника, которого в тот же день забрала милиция, не знал, куда деться со стыда. В конце концов он сменил бригаду.

На фронте начались перемены. Немцы почувствовали их сразу. До сих пор они наступали, но в середине войны ситуация изменилась. С новым оснащением из тыла советская армия во втором периоде Сталинградской битвы положила начало перелому: инициатива теперь у Советского Союза. Теперь наступал он; немцы вынужденно оборонялись. Предприятия, переквалифицированные в военные, выпускали технику и боевое снаряжение, заставившие врага содрогнуться. Контрнаступление советской армии было сокрушительным.

После победы в Сталинградской битве, прорыва блокады вокруг Ленинграда и наступления на Кавказе и Доне, битвы на Курской дуге произошёл окончательный перелом в ходе Великой Отечественной войны. Инициатива в военных действиях больше никогда не переходила к немецкой армии. Продолжая мощное наступление, советские войска отвоёвывали собственные территории и завоёвывали новые.

Строительство цехов авиационного завода в основном было завершено.

К середине 1944 года производство истребителей ЛаГГ-3 разных усовершенствованных серий и небольшого количества истребителей Ла-5 достигло максимума.

Именно в это время завод стал налаживать выпуск истребителей Як-3, превосходившие самолёты противника и за-

воевавшие безраздельное господство в воздухе. Итог войны был предreshён.

Отец знал, что Моретти ждёт дня, когда сможет под своей деятельностью в Грузии подвести черту. Итальянская родня жаждала встречи с ним и его семейством, да и он скучал по отцу и матери в длительной разлуке.

Однажды вечером он постучался к моим родителям. Поставив на стол бутылочку тёмно-рубинового «Оджалеси», сообщил отцу, что затянувшееся пребывание его в Тбилиси подходит к концу. Месяца два-три понадобится, чтобы сдать отчёты, собраться и выехать с семьёй на родину.

– Будем скучать, – отец открывал бутылку, не глядя на Моретти. Мать прослезилась.

– Я тоже, – голос начальника стройки дрогнул... он взглянул на супружескую пару с загадкой в глазах, произнёс как-то особенно певуче... – у меня для вас новость... – достал из папки лист бумаги и положил на стол перед отцом.

– Что это? – Отец всматривался в текст, печать под текстом и размашистую подпись директора завода.

– Ваша Dolce Vita – разрешение на строительство дома на участке, который тебе нравится... Места хватит и для

строения, и для сада вокруг него, или огорода, как захочется...

Он улыбался, а отец смотрел на него во все глаза, не веря услышанному.

Мать незаметно вытирая слёзы, хлопотала у стола, заставляя его закусками... Моретти окинул её располневшую фигуру понимающим взглядом:

– Тем более, скоро у вас пополнение, здесь уже невозможно оставаться, нужен дом, большой, светлый...

Отец подошёл к Моретти, пожал крепко руку и... не сдерживая себя больше, обнял его с чувством. Мать не уставала благодарить.

Влад с Розой тайком встречались. Подальше от соседских глаз они виделись в чужих дворах, однако до матери доходили слухи о зазнобушке сына. Она только посмеивалась, но однажды, возвращаясь из магазина, буквально наткнулась на парочку, стоящих в обнимку и целующихся в сумерках уходящего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.